

Ахматова и Новгородская земля

18 июля 1914 г. в 10 часов вечера Германия объявила войну России. 25 июля Николай Степанович Гумилев начал собирать необходимые документы для поступления на военную службу. Эти хлопоты были необходимы, поскольку «в 1907 году он был освобожден от воинской повинности из-за болезни глаз. Надо было во что бы то ни стало получить разрешение стрелять с левого плеча. Это было нелегко, но Гумилев добился своего и был принят добровольцем – тогда называлось „охотником” – с предоставлением ему выбора рода войск. Он предпочел кавалерию и был назначен в сводный кавалерийский полк, расквартированный в Новгороде»¹. Гумилева определили в Гвардейский запасной уланский полк, в котором готовили кавалеристов для гвардейских кавалерийских полков, составлявших 1-ю и 2-ю гвардейские кавалерийские дивизии.

13 августа 1914 г. Гумилев прибыл в место расквартирования полка в поселок Кречевицкие Казармы под Новгородом. Здесь он прошел учебный курс военной службы. Ротмистр Ю.В. Янишевский вспоминал: «С удовольствием сообщу... все, что запомнилось мне о совместной моей службе с Н.С. Гумилевым в полку улан Ее Величества. Оба мы одновременно приехали в Кречевицы (*так!*) (Новгородской губернии) в Гвардейский запасной полк и были зачислены в маршевой эскадрон лейб-гвардии уланского Ее Величества полка. Там вся восьмидневная подготовка состояла лишь в стрельбе, отдании чести и езде. На последней больше 60% провалилось и было отправлено в пехоту, а на стрельбе и Гумилев, и я одинаково выбили лучшие и были на первом месте»². «В ожидании боевых походов, за отдельную плату, частным образом»³ Гумилев обучился владению шашкой.

Почти весь сентябрь 1914 г. он оставался под Новгородом. Имеются сведения, что именно здесь он начал работать над своими «Записками кавалеристами». Вот как описывает Гумилев специфику кавалерийской службы в «Записках кавалериста»: «Мне, вольноопределяющемуся охотнику одного из кавалерийских полков, работа нашей кавалерии представляется как ряд отдельных, вполне законченных задач, за которыми следует отдых, полный самых фантастических мечтаний о будущем. Если пехотинцы – поденщики войны, выносящие на своих плечах всю ее тяжесть, то кавалеристы – это веселая странствующая артель с песнями, в несколько дней кончающая прежде длительную и трудную работу. Нет ни зависти, ни соревнования. „Вы наши отцы, – говорит кавалерист пехотинцу, – за вами – как за каменной стеной...”»

Находясь в Кречевицких казармах, он писал Ахматовой в Слепнево, расположенном в Тверской губернии, где она с сыном находилась у родственников Гумилева:

«Дорогая Аничка (прости за кривой почерк, только что работал пикой на коне – это утомительно), поздравляю тебя с победой. Как я могу рассчитывать, она имеет громадное значение,

¹ *Лукницкая Вера*. Николай Гумилев. Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких. Л., 1990. С. 168.

² Цит. по: *Лукницкая Вера*. Николай Гумилев. Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких. Л., 1990. С. 174.

³ *Там же*. С. 168.

и, может быть, мы Новый Год встретим, как прежде, в Собаке. У меня вестовой, очень расторопный, и, кажется, удастся закрепить за собой коня, высокого, вороного, зовущегося Чернозем. Мы оба здоровы, но ужасно скучаем. Ученье бывает два раза в день часа по полтора, по два, остальное время совершенно свободно. Но невозможно чем-нибудь заняться, т.е. писать, потому что от гостей (вольноопределяющихся и охотников) нет отбою. Самовар не сходит со стола, наши шахматы заняты двадцать четыре часа в сутки, и хотя люди в большинстве случаев милые, но все же это уныло.

Только сегодня мы решили запереться на крючок, не знаю, поможет ли. Впрочем, нашу скуку разделяют все и мечтают о походе как о царствии небесном. Я уже чувствую осень и очень хочу писать. Не знаю, смогу ли.

Крепко целую тебя, маму и Леву и всех.
Твой Коля»⁴

Это единственное из сохранившихся писем, написанное Гумилевым из-под Новгорода. Поздравления с победой, звучащие в гумилевском письме, относятся к выходу в свет второй книги стихов Ахматовой – «Четки» (1914). В конце сентября полк, в котором находился Н.С. Гумилев, был отправлен в действующую армию. Во время военной кампании Гумилев дважды был награжден Георгиевским крестом за храбрость, а один раз сидел под арестом за то, что не отдал чести вышестоящему чину. За этот проступок Гумилев был отправлен в Окуловку Новгородской губернии, где в наказание целый месяц заготавливал сено для полка. По-видимому, это событие относится к дням февральской революции. П.Н. Лукницкий, собиравший материалы к биографии Гумилева, со слов Ахматовой записал: «26 или 28 февраля [1917 г.] он позвонил АА по телефону... Сказал: „Здесь цепи, пройти нельзя, а потому я сейчас поеду в Окуловку...”»⁵

Ахматова навестила Гумилева, пока тот находился в Кречевицких Казармах, и посетила Новгород. Ахматова рассказывала: «В сентябре я в Новгород ездила, одна. (Это был не совсем Новгород, это были Наволоки – деревня, там был расквартирован полк)»⁶. В «Записках об Анне Ахматовой» Лидия Чуковская вспоминает, что Анне Андреевне очень нравился Новгород, и она бывала на новгородской земле неоднократно. Говоря о Киевской Софии, Ахматова говорила: «Новгородская София тоже очень хороша»⁷. Ахматова вспоминала: «Когда К<оля> Г<умилев> был вольноопределяющимся, я навещала его под Новгородом, и он говорил мне, что учится верховой езде заново. Я удивлялась – он отлично ездил на лошади, красиво и подолгу, по много верст. Оказалось, это не та езда, которая требуется в походе. Надо, чтобы рука непременно лежала

⁴ Гумилев Н. Сочинения: В 3 т. Т. 3. М., 1991. С. 239.

⁵ Лукницкий П.Н. Встречи с Анной Ахматовой. Т. 1. 1924-1925. Paris. 1991. С. 97.

⁶ Там же. С. 101.

⁷ Чуковская Лидия. Записки об Анне Ахматовой. Т. 1. М., 1997. С. 23.

так, а нога этак, иначе устанешь ты или устанет лошадь, и т.д. И без битья не обходится ученье. Он рассказывал, что великого князя берейторы стегали по ногам»⁸.

Приезд Ахматовой к Гумилеву относится к сентябрю 1914 г. Позже, в начале 1925 г., Ахматова говорила, что у нее «есть новгородская икона – единственный подарок Н<иколая> С<тепановича>, сохранившийся у нее»⁹. Не исключено, что «новгородская икона», подаренная Гумилевым, имеет как раз новгородское происхождение и по времени приобретения относится именно к 1914 г.

Есть свидетельства, что в 1910 и 1917 годах Ахматова также проезжала через Новгород в Старую Руссу. **Об этом упоминают литературоведы В. Жирмунский и Л. Лосев.** Свои впечатления от Старой Руссы Ахматовой воплотила в стихотворении «Предыстория» («Россия Достоевского. Луна...»), вошедшем в состав «Северных элегий», где, в частности есть строки:

А в Старой Руссе пышные канавы,
И в садиках подгнившие беседки,
И стекла окон так черны, как прорубь,
И мнится, там такое приключилось,
Что лучше не заглядывать, уйдем.

Кроме того, отзвуки старорусского посещения звучали в статье «Пушкин и Достоевский», пропавшей во время блокады Ленинграда.

«Творческим результатом» поездки к Гумилеву осенью 1914 г. стало ахматовское стихотворение – «Пустых небес прозрачное стекло...», помеченное датой: «сентябрь 1914 г.»:

Пустых небес прозрачное стекло,
Большой тюрьмы белесое строенье
И хода крестного торжественное пенье
Над Волховом, синеем светлом.

Сентябрьский вихрь, листы с березы свежав,
Кричит и мечется среди ветвей,
А город помнит о судьбе своей:
Здесь Марфа правила и правил Аракчеев.

В стихотворении отражены как реалии современного ей города («тюрьмы белесое строенье»), так и истории Новгорода («Марфа правила и правил Аракчеев»). Ахматова не указала точной даты написания стихотворения, остается неизвестной и точная дата приезда Ахматовой в Новгород. Однако упоминание в стихотворении крестного хода позволяет сделать предположение, что посещение Новгорода пришлось на один из православных праздников: Рождество Богородицы, отмечаемое 8 сентября (по старому стилю) или Крестовоздвижение (Всемирное Воздвижение священного и животворящего креста Господня), отмечаемое 14 сентября.

Не исключено, что именно эта поездка заставила Ахматову «вспомнить» о своих более

⁸ Там же. С. 113-114.

⁹ Лукницкий П.Н. Встречи с Анной Ахматовой. Т. 1. 1924-1925. Paris. 1991. С. 34.

интимных, родовых связях с новгородской землей. Два года спустя после того, как она навестила Гумилева в Кречевицких казармах, 16 ноября 1916 г., она написала еще одно стихотворение, в котором возникает новый поворот новгородской темы.

Приду туда, и отлетит томленье.
Мне ранние приятны холода.
Таинственные, темные селенья –
Хранилища молитвы и труда.

Спокойной и уверенной любви
Не превозмочь мне к этой стороне:
Ведь капелька новгородской крови
Во мне – как льдинка в пенном вине.

И этого никак нельзя поправить,
Не растопил ее великий зной,
И что бы я ни начинала славить –
Ты, тихая, сияешь предо мной.

Говоря о «капельке новгородской крови», Ахматова имела в виду семейное предание, по которому дед Ахматовой по материнской линии – Эразм Иванович Стогов – был выходцем из рода новгородских бояр. Ахматова до чрезвычайности щепетильно относилась к формированию собственной биографии. Так, она говорила, что «биография – настолько важное и ответственное дело, что к ней нельзя относиться с легким сердцем» и «включение в биографию анекдотов допустимо только по отношению к Крылову; объяснила причины и заметила, что Крылов и сам старался так создать свой облик»¹⁰. Обращение к фигуре Стогова, по-видимому, было для нее внутренней необходимостью именно с точки зрения собственной биографии. Ахматова говорила Лукницкому, «что у них в семье все делятся на людей типа Стогова или – типа Мотовилова. (Мотовилова – мать Инны Эразмовны <...>). Одни – дельцы, умеющие выходить из всяких положений, богатеющие легко (например, один родственник АА сохранил до сих пор громадный дом в Киеве). Другие – полная противоположность первым»¹¹.

Ахматова писала: «Стоговы были небогатые помещики Можайского уезда Московской губернии, переселенные туда за бунт при Марфе Посаднице. В Новгороде они были богаче и знатнее» (СС-2, 2, 240).

Дед Ахматовой по материнской линии Эразм Иванович Стогов (1797-1880) – деятельный сотрудник журнала «Русская старина» – оставил после себя автобиографические «Записки»¹². Эти «Записки» Эразм Иванович начинает замечанием: «Фамилия моя двойная: Стогов-Можайский. а по какой причине Можайский, я добратся не мог. Дедушка мой сначала подписывался Стогов-Можайский, после ему показалось трудно, он стал подписываться Стогов, и с тех пор Можайский

¹⁰ Лукницкий П.Н. Указ. соч. С. 227.

¹¹ Там же. С. 293.

¹² Русская старина: Ежемесячное историческое издание. СПб., 1903. Т. 113.

потерялось. Вот что я знаю о нашей фамилии»¹³. Далее он приводит семейное предание: «Мы были жителями Новгорода, и должно быть богатыми. От старожил новгородских я узнал, что несколько местностей – теперь пустырей, заросших лесом, носили название Стоговы пустоши, Стоговы озера и проч.»¹⁴. Дед Эразма Ивановича Дмитрий Дементьевич Стогов владел имением на Белоозере (одной из новгородских пятин), откуда он получал ежегодный оброк. Во времена правления Марфы Посадницы, как и множество других семей, род Стоговых был разорен, по повелению Ивана Грозного, который, «творя последний суд Новгороду, всех умоводителей лишил имений в Новгороде, выселил в Московскую губернию и роздал маестности»¹⁵. Выселенные из Новгорода Стоговы были поселены в двадцати верстах от Можайска, в местности Золотилово, с шестью душами крестьян. Завершая описание новгородского периода рода Стоговых, Эразм Иванович заключает: «Теперь в Новгороде Стоговых нет»¹⁶.

Помня об этом предании Ахматова с полным правом могла сказать о себе: «И капелька новгородской крови / Во мне – как льдинка в пенном вине». А образ Марфы из стихотворения «Пустых небес прозрачное стекло...» напоминает не только об одном из ключевых событий истории вольного Новгорода, но и поворотном моменте истории рода Стоговых, когда они были выселены из Новгорода. Таким образом в родовом предании Ахматова находила подтверждение своим размышлениям о человеке – участнике больших, грозных исторических событий.

1914 г., который Ахматова считала точкой отсчета «не для календарного, а настоящего двадцатого века», оказался поворотным и для развития ее дальнейшего творчества. О.Э. Мандельштам дал одно из самых точных определений отношению Ахматовой к истории: «Она – плотоядная чайка, где исторические события – там слышится голос Ахматовой. И события – только гребень, верх волны: война, революция. Ровная и глубокая полоса жизни у нее стихов не дает»¹⁷. Так, именно события начавшейся первой мировой войны глубочайшим образом трансформировали основы поэтической системы ранней Ахматовой. Тот же Мандельштам писал о новых стихах Ахматовой: «В последних стихах Ахматовой произошел перелом к гиератической важности, религиозной простоте и торжественности: я бы сказал, после женщины настал черед жены. Помните: “смирренная, одетая убого, но видом величавая жена”. Голос отречения крепнет все более и более в стихах Ахматовой, и в настоящее время ее поэзия близится к тому, чтобы стать одним из символов величия России»¹⁸. «В родословной, которую выстраивала Ахматова, – по замечанию В.В. Мусатова, – просматривается прежде всего привязка своего происхождения к

¹³ Записки Э.И. Стогова // Русская старина: Ежемесячное историческое издание. СПб., 1903. Т. 113. С. 131.

¹⁴ Там же. С. 131-132.

¹⁵ Там же. С. 132.

¹⁶ Там же. С. 132.

¹⁷ Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома. 1993. Материалы об О.Э. Мандельштаме / Отв. ред. Т.С. Царькова. СПб. 1997. С. 142.

¹⁸ Мандельшт ам О. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 1. М., 1993. С. 208.

именам и фактам большого исторического веса и смысла. И это не случайно, ибо, в конечном счете, биография для Ахматовой значима прежде всего *исторически*¹⁹.

В Записках Э.И. Стогова обращает на себя внимание еще одна особенность творческого сознания и поведения, свойственное роду, к которому принадлежала Ахматова.

В 1911 г. Н.С. Гумилев написал стихотворение, в котором назвал Ахматову колдуньей:

Из логова змиева,
Из города Киева,
Я взял не жену, а колдунью.

Сама Ахматова в ранний период, который был отмечен сборниками «Вечер» и «Четки», свою лирическую героиню наделяла чертами ворожеи-пророчицы, способной к предвидению горького будущего; русалки, имевшей особую связь с миром смерти, т.е. женщины, чье знание о мире превышало бытовую норму. Так, в миниатюре 1910 г. она писала:

Брата из странствий вернуть не могу,
Любимого брата найду я.
Я прошлое в доме моем стерегу,
Над прошлым тайно колдую...

Вот эту-то способность к ведовству, знахарству и тайному знанию и обнаруживаем как свойство, принадлежавшее деду Э.И. Стогова – Дмитрию Дементьевичу, проживавшему в сельце Золотилово.

«Дед мой, – вспоминает в своих «Записках» Э.И. Стогов, – был в большом уважении в своем округе и слыл колдуном. Однажды была дворянская свадьба, на которую почему-то деда не позвали. Дорога в приходскую церковь была через Золотилово, поезжане в несколько саней подъехали к воротам околицы, лошади захрапели и не пошли в ворота, вывели вперед другие сани и сколько не переменили, лошади храпят, а не идут. Кто-то вспомнил, что не позвали на свадьбу Дмитрия Дементьевича, вот он и наделал хлопот. Пошли к деду, он спал, а проснувшись, не хотел и говорить, пока все поезжане не поклонились по три раза в землю. В нагольном тулупе, подпоясанный полотенцем, в валенках и теплой шапке, дед взял метлу, лопату, уголь, соль и святую воду, пришел к воротам, лег и начал шептать и приговаривать, взял метлу и стал сражаться с нечистыми; долго боролся с ними, прогнал нечистых, размел тщательно дорогу между воротами, лопатой посыпал новым снегом, обошел три раза поезд по солнцу, в каждые сани бросил по лопате снега, а жениха с невестой опрыскал с уголька, сел на первые сани, проехал, а за ним весь поезд, но на свадьбу не пошел.

– Как же, батюшка, наколдовал дедушка? – спрашивал я.

¹⁹ Мусатов В.В. «В то время я гостила на земле...». Лирика А. Ахматовой. М., 2007.

– Если, братец ты мой, пересыпать дорогу порошком из желчи в печени медведя, лошади слыша запах зверя – пугаются и не идут»²⁰.

Другой рассказ внука о необычных способностях деда: «Раз приехал к деду из Вятки старинный приятель и гостил две недели; друзья пили три дня полной душой. Гость собирался домой, дед упрашивал погостить еще денек, гость не соглашался. Приходит гость в конюшню и видит, что коренная лошадь лежит без движения. Что ни делали, лошадь не шевелится; гость даже заплакал, дед начал торговаться, и гость согласился еще погостить. Дед заперся в конюшне, шумел, бранился, боролся с чертом, наконец, по зову деда вошли в конюшню, лошадь была здорова и веселее прежнего. Гость из благодарности прогостил неделю, были оба без просыпа пьяны, благо водка была не купленная.

– Как же это, батюшка, с лошадей-то?

– А если, братец ты мой, язык ядовитой змеи завернуть в шарик воска и положить в ухо лошади, то лошадь упадет и останется без движения, пока не вынут шарик; тогда лошадь делается веселее прежней»²¹.

И, наконец, еще один рассказ о «колдовских способностях» деда: «Рассказывал отец, что раз с дедом шли они по слободе Колоцкого монастыря, в одном доме богатого мужика была свадьба и пирило много народа. Дед с отцом присели на завалинке; дед сказал: «надобно, чтобы они поссорились», и действительно скоро началась драка. Ушел дед, и драки конец.

– Как же это, батюшка?

– Этого, братец ты мой, я не должен объяснять тебе.

– Почему же, батюшка?

– Грех делать зло людям.

Дед много знал заговоров, отговоров, например: заговаривал сильное кровотечение, отговаривал головную боль. Как же с такими познаниями не быть почитаемым, уважаемым!»²²

Таким образом, «Записки Э.И. Стогова», с которыми Ахматова была безусловно знакома, послужили источником, первоначальным источником для формирования ее собственного поэтического мифа, в котором биография становилась исходным материалом для формирования поэтической идеи.

²⁰ Записки Э.И. Стогова. С. 132-133.

²¹ Там же. С. 133.

²² Там же. С. 133.